

HARLEQUIN®

026

Н Кэрол Мортимер
ЕСТОКОСТЬ
ЛЮБВИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Исторический роман – Harlequin

Кэрол Мортимер
Жестокость любви

«Центрполиграф»

2013

Мортимер К.

Жестокость любви / К. Мортимер — «Центрполиграф»,
2013 — (Исторический роман – Harlequin)

Прошло уже много времени с тех пор, как Руперт Стерлинг, герцог Страттон, получил прозвище Дьявол. Заслужил он его как за возмутительные выходки в дамских покоях, так и за подвиги за их пределами. Овдовевшая герцогиня Виндвуд, Пандора Мейбери, избегает сомнительной славы быть любовницей лощеного красавца, она хорошо знакома с тем, что значит быть предметом грязных сплетен. А Руперт, который спас ее из компрометирующей ситуации, теперь хочет сам ее опорочить...

© Мортимер К., 2013

© Центрполиграф, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Кэрол Мортимер

Жестокость любви

Глава 1

Май 1817 года. Хайбери-Хаус, Лондон

– Улыбнись, Пандора, ни Дьявол, ни Люцифер не собираются тебя похищать! По крайней мере... будем надеяться, в противном случае плен окажется сладким, – игриво засмеялась Женестьева при виде двух джентльменов.

Пандора, вдовствующая герцогиня Виндвуд, не разделяла энтузиазма своей подруги. По мере приближения к этим господам она почувствовала, как ее сердце гулко забилося в груди, дыхание участилось, а ладони в кружевных перчатках вспотели.

Конечно же она не была лично знакома с ними. Мужчинам было уже за тридцать, тогда как Пандора разменяла свою двадцать четвертую весну и не находилась в той части сомнительной толпы, которая окружала этих красавцев, где бы они ни появлялись. Тем не менее она признала в них лорда Руперта Стерлинга, бывшего маркиза Делвина, а ныне герцога Страттона, и его лучшего друга лорда Бенедикта Лукаса – парочку, которую последнюю дюжину лет именовали в свете не иначе как Дьявол и Люцифер. Свои прозвища они получили за возмутительные выходки как в дамских покоях, так и вне их.

И именно этих двух джентльменов несколько минут назад Женестьева предлагала рассмотреть в качестве кандидатов в любовники теперь, когда их годовой траур по мужьям подошел к концу...

– Пандора?

Она тряхнула головой, прогоняя ненужные мысли.

– Не думаю, что смогу пойти на такое, Женестьева.

Подруга легонько пожала ей руку, подбадривая.

– Мы всего лишь собираемся поговорить с ними, дорогая. Сыграть роль хозяйек за Софию, пока та разбирается с неожиданным визитом графа Шербурна. – Женестьева бросила взгляд через бальный зал, туда, где вышеупомянутая леди о чем-то пылко спорила на пониженных тонах с молодым повесой Данте Карфаксом, близким другом Дьявола и Люцифера.

Эти трое были закадычными друзьями. Равно как и три вдовушки, которые теперь стали лучшими подругами...

По чистому совпадению София Роудандз, герцогиня Клейборн, Женестьева Форстер, герцогиня Вуллerton, и Пандора Мейбери, герцогиня Виндвуд, прошлой весной практически одновременно, с разницей всего в несколько недель, потеряли мужей. Незнакомые ранее, эти три женщины быстро заключили своего рода союз молодых вдов, когда месяц назад впервые после годичного траура вышли в свет.

Однако предложение Женестьевы «до конца сезона найти каждой по любовнику, а то и несколько» привело Пандору в замешательство.

– И все же...

– Мне кажется, это наш танец, ваша милость?

Пандора никогда не думала, что будет рада видеть лорда Ричарда Сугдона. Ей не нравились ни его лощеный вид, ни фамильярное обращение. Но чуть раньше она не смогла найти подходящего предлога, дабы отказать ему в первом вальсе, и теперь была рада этому, ибо сейчас предпочла бы даже компанию этого пижона, лишь бы не приближаться к таким притягательным, но опасным Руперту Стерлингу и Бенедикту Лукасу.

– Я не забыла, милорд. – Она улыбнулась Женевьеве, извиняясь, и закружилась с ним в танце.

– Господи, Данте, что с тобой? – поинтересовался Руперт Стерлинг, герцог Страттон, тем же вечером. Едва переступив порог библиотеки Клейборн-Хаус, он сразу заметил, как расстроен молодой человек. – Или, может, не стоит спрашивать? – насмешливо протянул он, уловив в воздухе аромат женских духов.

– Может, и не стоит, – огрызнулся Данте Карфакс, граф Шербурн. – Как и мне интересоваться тем, что – или лучше сказать кто – занимает внимание Бенедикта?

– Тебе лучше не спрашивать, – рассмеялся Руперт.

– Не пропустить ли нам по стаканчику бренди? – Данте потряс графином.

– Почему нет? – Руперт закрыл за собой дверь библиотеки и принял у него графин. – Я давно подозревал, что моя мачеха доведет меня либо до пьянства, либо до убийства!

Пандора, удерживаемая в углу бального зала лордом Сугдоном после танца, сумела избавиться от его общества всего несколько минут назад, благодаря его знакомому, втянувшему нежеланного кавалера в беседу.

Теперь она стояла на террасе прямо у библиотеки, невольно превратившись в свидетеля разговора двух джентльменов.

– Тогда давай сегодня напьемся, – предложил Данте Карфакс своему другу. – Недаром же герцогиня позаботилась о своих гостях, оставив в библиотеке графин отличного бренди и превосходные сигары. Дабы мы, мужчины, могли насладиться ее дарами.

Последовал звон бокалов и звук разливаемого напитка.

– О, так гораздо лучше, – удовлетворенно выдохнул Дьявол Стерлинг несколько мгновений спустя, явно сделав паузу, чтобы проглотить крепкий алкоголь.

– Что наша троица вообще делает здесь нынче вечером, Страттон? – лениво протянул его компаньон, широко распахнув французские окна и выпуская на террасу табачный дым.

– Судя по твоим растрепанным чувствам, думаю, твои причины очевидны, – заметил второй джентльмен. – А Бенедикт милостиво согласился сопровождать меня, когда я поведал ему о том, что жажду провести вечер вдали от назойливого общества своей мачехи.

– Бьюсь об заклад, Патрисия не в восторге от подобного обращения, – расхохотался Данте Карфакс.

– Она его ненавидит, – с мрачным удовлетворением признался его собеседник. – Именно поэтому я ее так и называю. Постоянно!

Дьявол не только по имени, но и по своей природе...

Эта мысль непрощеной пришла в голову Пандоре, пока она неподвижно стояла в темноте террасы, боясь выдать себя малейшим звуком и привлечь внимание господ.

Аромат сигарного дыма, вырывающийся из открытых дверей, напомнил ей о лучших временах, когда она была молода, невинна и беззаботна, а мир казался одним сплошным балом, вроде сегодняшнего. С той разницей, что тогда на балы ее водили родители.

В то время ей бы и в голову не пришло скрываться на террасе, как нынче вечером, чтобы не дать высокородным гостям Софии увидеть, как лорд Сугдон довел-таки ее до слез непристойными намеками...

Не то чтобы свет заботился о ее благополучии, многие члены высшего общества и вовсе смотрели на нее как на пустое место, не опускались до беседы с ней. Что уж говорить о чувствах, которые она испытывала в присутствии джентльменов, рискнувших оказаться в ее скандальной компании и оскорблявших ее своими предложениями. Кого бы это взволновало?

На самом деле, если бы София и Женевьева не настаивали на совместном посещении всех светских мероприятий, Пандора, скорее всего, подверглась бы остракизму, несмотря на принятое месяц назад решение вернуться в свет.

– В общем, все мои усилия пошли прахом, – удрученно вздохнул Руперт Стерлинг. – Папина вдовушка тоже пожаловала на бал к герцогине.

– О, я уверен, что София не...

– Не беленись, Данте, я ни в чем не виню твою Софию.

– Это не моя София.

– Нет? Мне показалось, я узнал духи, когда вошел в комнату. Или я ошибся?

Последовала недолгая пауза, после которой второй джентльмен неохотно признался:

– Нет, ты не ошибся. Но София продолжает внушать, что я теряю время, преследуя ее.

Пандору затрясло от неожиданного поворота событий. София? И Данте Карфакс? Определенно, нет, ведь София не упускает возможности раскритиковать сногшибательного графа Шербурна...

– Может, тебе жениться, Руперт? По крайней мере, часть проблем отпадет сама собой, и у вдовствующей герцогини не останется иного выбора, кроме как прекратить открыто проживать с тобой под одной крышей, – предложил Данте.

– Не думай, что я не рассматривал такой вариант, – фыркнул друг.

– И к чему пришел?

– Это решит одну проблему, но определенно создаст следующую.

– Как так?

– Связав себя узами брака, я всю оставшуюся жизнь буду прикован к супруге, которую не захочу видеть!

– Так найди такую, которую ты захочешь как минимум физически. Каждый сезон в свет выводят дюжины новых красоток.

– В свои тридцать два я не склонен к общению с желторотыми птенчиками прямо со школьной скамьи. – Судя по голосу, было понятно, что Руперт Стерлинг взволнован и вышагивает по библиотеке. – Я не желаю связывать себя на всю оставшуюся жизнь с малолетней дурочкой, которая только и может, что хихикать и нести всякий вздор, да к тому же абсолютно не в курсе, что происходит за дверями супружеской спальни, – презрительно фыркнул он.

– Может, не стоит отмахиваться от невинности, Руперт?

– То есть?

– Ну, во-первых, ни у кого язык не повернется обвинить тебя в отсутствии надлежащего опыта, что позволит лично обучить юную невинную женушку по своему вкусу. А во-вторых, невинность несет в себе еще один положительный бонус – уверенность в том, что наследник герцогского титула будет твоей плотью и кровью!

– Чего точно бы не случилось, если бы Патрисии удалось одарить моего отца «запасным вариантом». Тогда точно пришлось бы мне дрожать за свою шкуру, не дай бог, придушат во сне, – ядовито заметил герцог Страттон.

Пандора вдруг поняла – она затаилась еще и потому, что по-настоящему прониклась беседой двух джентльменов, легко представляя, как они выглядят, поскольку совсем недавно видела обоих в танцевальном зале.

Данте Карфакс – высокий и темноволосый, с озорными зелеными глазами, в безупречном вечернем наряде, выгодно подчеркивающим широкие мускулистые плечи, подтянутый живот и длинные сильные ноги.

Руперт Стерлинг – столь же рослый, чуть выше своего друга, с золотистыми локонами, уложенными в модную прическу, завивающимися у висков и ниспадающими в естественном беспорядке на лоб. Черный камзол и белоснежная рубашка выгодно подчеркивали широкие плечи, тонкую талию и длинные мускулистые ноги. На красивом лице падшего ангела сияли

холодные серые глаза. Завершали портрет узкий аристократический нос, высокие скулы и чувственный рот, временами растягивающийся в сардонической улыбке или от недовольствия складывающийся в тонкую линию.

В настоящий момент его недовольство было направлено на жену его покойного отца.

В то время Пандоре было всего двадцать, она прекрасно помнила, как весь свет лихорадило от любопытства, когда давно овдовевший граф Страттон, мужчина далеко за шестьдесят, женился на молоденькой женщине. Ходили упорные слухи, будто она состояла в интимной связи с сыном этого джентльмена, приезжавшего на побывку и возвратившегося в свой полк, чтобы сразиться с Наполеоном в составе армии Веллингтона.

Пандора, подобно всем в свете, была в курсе того, что после смерти отца в прошлом году молодой граф и его мачеха проживали в одном доме, точнее в домах, ибо и в городе, и в деревне Руперт Стерлинг и вдова его отца неизменно делили один кров.

– Насколько я понимаю, у тебя всегда находились причины опасаться за свою жизнь в спальне с этой леди, – сухо отреагировал Данте на предыдущую реплику друга.

Щеки Пандоры вспыхнули, узнав об интимных подробностях отношений Руперта Стерлинга с вдовствующей мачехой. Может, пора прекратить подслушивать, вернуться в танцевальный зал и откланяться Софии? Да, так, пожалуй, будет лучше.

– Половина присутствующих здесь господ увиваются за моей мачехой, высунув язык, – бросил герцог.

– А вторая половина?

– Похоже, преследует блондиночку в сиреновом платье.

– Присмотрись лучше, ее платье не сиреневое, а фиолетовое.

– Не понял?

– Платье Пандоры Мейбери фиолетовое, а не сиреневое, – мечтательно промурлыкал Данте Карфакс.

Пандора собралась было уходить, но услышала свое имя и застыла на месте. По спине пробежал холодок.

– Вдова Барнаби Мейбери? – уточнил герцог.

– Именно так.

– А-а.

Румянец сошел с лица Пандоры, стоило ей уловить в голосе герцога Страттона презрительные нотки.

– Мне известны твои предпочтения, Страттон, – рассмеялся Данте. – Высокие пышные брюнетки.

– Ну да, а Пандора Мейбери, маленькая, светловолосая и худая, явно далека от моего идеала.

– Спорим, она затмит всех и вся, стоит заглянуть в ее восхитительные глазки!

– И ты в подобных обстоятельствах способен замечать красоту глаз или иной части тела другой женщины, Данте?

Мужчина парировал сарказм друга:

– Едва ли найдется джентльмен, который не заметит красоту глаз Пандоры Мейбери, в каких бы обстоятельствах он ни находился.

– Да что в них такого особенного?

– Они одного цвета с ее вечерним платьем. Фиалки, распустившиеся весной, – с восхищенным придыханием заметил Данте.

– Неужели безответная страсть к нашей дорогой хозяйке дома повредила твой разум? – насмешливо протянул Руперт.

– Ты уже второй человек за вечер, который намекает на это, – огрызнулся Данте. – Но уверяю тебя: в том, что касается глаз Пандоры Мейбери, я лишь констатирую факты.

– Фиалки? – скептически хмыкнул герцог.

– Глубокий насыщенный цвет весенних фиалок, – решительно подтвердил Данте. – В окружении самых длинных шелковистых ресниц, которые мне доводилось видеть.

– Те самые фиалковые глаза и длинные шелковистые ресницы, что довели до смерти сразу двоих мужчин? – зло прошипел герцог.

Пандора резко вдохнула, ноги подкосились, и она без сил рухнула на металлическую скамейку у стены Клейборн-Хаус. Она давно подозревала, какие слухи ходят о ней в свете, но никто и никогда не высказывал подобных обвинений в ее присутствии.

Правда, обвинитель о ее присутствии даже не подозревал. Истина верна: никогда не подслушивайте под дверью, ничего хорошего в свой адрес не услышите.

– Пожалуй, оставлю тебя. Ты совершенно не в духе, – сказал Данте Руперту.

– Я побуду здесь, прикончу свой бренди, докурю сигару и откланяюсь, – ответил Руперт.

Пандора полностью погрузилась в свое горе и упустила нить разговора. Захваченная неприятными воспоминаниями, которые всколыхнула в ней беседа двух джентльменов, она не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Такое с ней часто случалось после смерти ее мужа и сэра Томаса Стэнли, чей безвременный уход из жизни вызвал скандал, давший пищу для сплетен на долгие месяцы, если не годы. Она...

– А, вот вы где, – прозвучал в темноте знакомый голос, удовлетворенно добавив: – И совершенно одна.

Лорд Сугдон ступил на террасу из-за двери с кружевными занавесками рядом с окном библиотеки.

Пандора настороженно следила за ним, медленно поднимаясь на ноги, обутые в шелковые туфельки.

– Я как раз собиралась обратно.

– О, определенно, нет! – Юный лорд подошел ближе. – Было бы жаль не воспользоваться такой прекрасной лунной ночью. И интимной обстановкой, которую предлагает нам терраса...

Он устремил похотливый взгляд на округлости ее груди, выступающие из низкого выреза платья.

– И все же мне пора возвращаться... лорд Сугдон! – возмущенно воскликнула она, когда он грубо притянул ее к себе. – Немедленно отпустите меня!

Она изо всех сил уперлась ладошками в его грудь, пытаясь освободиться от его рук, вцепившихся ей в талию, но он не обратил на эти попытки никакого внимания и склонился над ней с явным намерением впиться в сахарные губки. При мысли о его влажных полных губах Пандору замутило.

– Ты же не хочешь, чтобы я отпускал тебя...

– Еще как хочу! – Пандора настаивала на своем, испугавшись, что еще немного, и она упадет в обморок. Хотя, судя по горящему взгляду и решительному виду лорда Сугдона, это ей несколько не поможет. Мужчина явно с удовольствием воспользовался бы подобной ситуацией. – Немедленно прекратите, милорд!

– Любишь грубость, да, красавица моя? – осклабился лорд Сугдон. – Я тоже не прочь побаловаться! – Одна рука ухажера освободила ее талию, но он вцепился в вырез платья и рванул так, что тонкая ткань с треском разъехалась, явив взору грудь, затянутую тонкой рубашкой. – Вот это зрелище! – Он плотоядно облизнул пухлые губы.

Пандора беспомощно всхлипнула. За последние четыре года ее и без того преследовали одни несчастья, а теперь ее жизнь окончательно шла под откос. Такого падения до нынешнего вечера она даже представить себе не могла.

– Пожалуйста, не делайте, не делайте этого! – в отчаянии взмолилась она, продолжая сражаться с лордом Сугдоном.

– Ты ведь тоже хочешь меня, и ты это знаешь. – Его ладонь накрыла одну из ее грудок, пальцы больно впились в нежную плоть. – Ты весь вечер молила об этом.

– Вы ошибаетесь, сэръ! – задохнулась от возмущения Пандора. – Прошу вас...

– О, через несколько минут ты будешь не просто просить, ты будешь умолять меня продолжить, милая моя... Ах ты!.. – зло прорычал он, когда ладошка Пандоры звонко ударила его по щеке. – Ты ответишь за это, маленькая...

– Думаю, вам пора уяснить, Сугдон, что, когда леди так горячо и настойчиво говорит «нет», лучше перестраховаться и смириться с тем, что она может действительно отвергать ваши ухаживания.

Лорд Сугдон так внезапно отпустил Пандору, что она от неожиданности упала на скамью, больно ударившись о железо спиной и ногами. Ладошка сжала края разорванного платья, личико смертельно побледнело, широко распахнутые глаза уставились на ее неожиданного – и совершенно невероятного! – спасителя.

Лорд Руперт Стерлинг, восьмой герцог Страттон. Более известный под прозвищем Дьявол...

Глава 2

Руперт наслаждался остатком бренди и сигарой, когда его уединение было грубо прервано звуком голосов на террасе. Поначалу он подумал, что это всего лишь перебранка двоих влюбленных, и продолжал размышлять над перипетиями собственной жизни. А именно: как лучше разрешить проблему с Патрисией Стерлинг, герцогиней покойного батюшки.

Руперта бесила сама необходимость думать об этой женщине, но продолжать жить так, как он жил сейчас, тоже невыносимо. Что-то надо делать, и срочно. Он...

Разговор на улице стал настолько громким, что начал мешать Руперту в его размышлениях. Он пересек библиотеку и подошел к окнам, намереваясь отослать парочку. Пусть идут к черту и выберут себе другое место для стычек! Однако тут же понял, что это вовсе не милая ссора влюбленных голубков. Джентльмен, в коем Руперт сразу признал молокососа лорда Сугдона, навязывал свое внимание леди, которую Руперт не мог рассмотреть за спиной донжуана, но которая неистово отбивалась от его ухаживаний и словесно, и физически.

Маленькая блондиночка в сиреневом – о нет, фиолетовом! – шелковом платье. Не кто иная, как Пандора Мейбери, герцогиня Виндвуд, собственной персоной, если он, конечно, не ошибается. А ошибается он редко.

– Послушай, Дьявол, – попытался было возразить Сугдон.

– Для тебя – ваша светлость герцог Страттон, – холодно поправил его Руперт, сверкнул на молодого человека глазами. – Я уже достаточно услышал и увидел, чтобы понять: ты нарушаешь покой леди.

– Да какая она леди...

Сугдон не успел договорить, Руперт схватил его за грудки и прижал к кирпичной стене дома. Угрожающе склонился над полыхающим лицом ловеласа, радуясь, что нашелся человек, на котором можно сорвать зло.

– Во-первых, она герцогиня, – вкрадчиво проговорил он, – представительница высшего света, а значит, определенно леди. Во-вторых, она ясно выразила свой отказ. Пока я прав? – В его голосе сквозил такой холод, что юноша побелел, как полотно, а его кадык нервно дернулся.

– Прав.

Пальцы Руперта еще крепче сжали его галстук.

– В-третьих, если ты когда-нибудь подойдешь меньше чем на десять футов к ее милости, горько пожалеешь. Думаю, для твоего здоровья будет лучше в несколько дней завершить все столичные дела и на остаток сезона удалиться в свое поместье.

– Я...

– И последнее, – продолжил Руперт тем же зловещим бархатным тоном, – прежде чем уйти, извинись перед герцогиней за непристойное поведение.

Лицо молодого человека перекопилось:

– Я не собираюсь извиняться перед такой, как она.

– Давай, Сугдон. Пока я не вышиб из тебя дух.

Настроение у Руперта нынче и впрямь было такое, что он с радостью – если не сказать с наслаждением – воспользовался бы возможностью спустить пар, хорошенько врезав кому-нибудь.

– Эта женщина уже несколько недель выставляет напоказ свои прелести...

– Неправда! – задохнулась от возмущения Пандора, в ужасе выслушивая перепалку мужчин.

Судя по презрительным взглядам, которые бросал на нее лорд Сугдон, она поняла, что всю вину за сложившуюся ситуацию он возлагает на нее, и только на нее. Ей было невдомек, как он вообще сподобился прийти к таким выводам.

Пандора ничем не поощряла его омерзительного поведения, и герцога Страттона на помощь она тоже не звала. Но ведь сподобился же!

В глазах ухажера явно читалась жажда мести. Она отвернулась от него и попыталась унять дрожь, переведя взгляд на Страттона.

– Прошу вас, отпустите его, ваша светлость, пусть он как можно скорее уберется отсюда, – попросила она севшим голосом.

Руперт даже не посмотрел в ее сторону.

– Не раньше чем извинится перед вами.

Пандора стрельнула глазами на лорда Сугдона. Да, тот опасался наказания герцога, но благоговейного трепета перед ней не испытывал.

Более того, если бы взглядом можно было убить, она бы уже лежала на террасе бездыханной!

Лорд Сугдон напрягся и с презрением выдал:

– Я сожалею, ваша милость.

Она облизнула пересохшие губы.

– Ваши извинения...

– Не приняты, – отрезал герцог Страттон. – О чем ты сожалеешь, Сугдон? – подсказал он. – О недостойном поведении в отношении ее милости? Или о том, что был пойман при попытке оскорбить ее физически? – добавил он со знанием дела.

Молодой человек яростно замотал головой:

– Я не понимаю, почему ты вообще поднял весь этот шум. Всем известно, что эта женщина авантюристка, ищет, кого бы затащить к себе в постель теперь, когда траур по ее мужу окончен. Если, конечно, еще не затащила тебя, Страттон. В таком случае я действительно прошу прощения, что наступил тебе на пятки. Ну или на другую часть тела...

Довести оскорбление до конца он не смог. Герцог внезапно отпустил его, резко замахнулся и ударил прямо в челюсть, после чего задира рухнул на пол как подкошенный.

– Ваша светлость! – Пандора вскочила и в полном замешательстве уставилась на распростертое тело незадачливого ухажера.

Руперт наконец-то перевел прищуренный взгляд на застывшую Пандору Мейбери, его глаза тут же вспыхнули одобрением, стоило ему заметить на удивление полную грудь с соблазнительными розовыми сосочками, которые проступали под тонкой материей сорочки.

Когда она заметила его любопытный взгляд, ее личико по цвету стало под стать сосочкам, рука вновь судорожно сжала края платья, скрывая от взгляда пышные полушария.

Руперт из-под прикрытых век разглядывал золотистые волосы, собранные в модный пучок с завитыми локонами, спадающими на виски и шейку, бледный овал лица в лунном свете, длинные опущенные ресницы. Она смотрела на лежащего молодого человека и не давала ему оценить красоту «восхитительных» фиалковых глаз, которые так нахваливал его друг.

Розовый язычок прошелся по пухлым губкам, прежде чем она заговорила вновь.

– Что нам с ним делать?

Руперт насмешливо приподнял темную бровь:

– Я ничего не собираюсь с ним делать, мадам. Более того, намерен оставить его там, где он лежит.

– Но...

– Не сомневаюсь, у него будет болеть челюсть, когда он очнется, – с удовлетворением добавил он. – Но кроме этого, да еще уязвленного самолюбия, ему больше ничего не грозит. Если, конечно, Сугдон не был прав и вы действительно поддерживали его грубые ухаживания и теперь сожалеете о моем вмешательстве? – уставился он на нее.

Она возмущенно поджала губки, щеки зарделись пуще прежнего.

– Как вы можете говорить такое!

Он пожал широкими плечами:

– Некоторые женщины предпочитают немного... энтузиазма в любовных отношениях.

– Уверю вас, я к ним не отношусь! – припечатала дама. – А теперь, если вы позволите...

– Вы не можете вернуться в зал в подобном виде. – Руперт не пытался скрыть раздражения, снимая с себя черный сюртук. – Вот, набросьте это на плечи. А я пойду договорюсь насчет экипажа, пусть доставит вас домой.

Пандора приняла у него сюртук, стараясь при этом не коснуться его руки, и сделала неловкую попытку надеть одной рукой, другой придерживая разорванный лиф.

– О господи, дайте сюда! – тяжело вздохнул герцог. Он вернулся, забрал у нее сюртук и набросил ей на плечи. Ткань все еще хранила тепло его тела, и Пандора вдохнула аромат одеколona и сигары, которую он недавно курил. – Все, иду за экипажем, заодно передам нашей дорогой хозяйке, что у вас разыгралась головная боль и вы уехали. – Он с отвращением посмотрел на молодого человека, который издал протяжный стон и зашевелился. – Очень сильная головная боль!

Пандора опустила ресницы, избегая смотреть Дьяволу Стерлингу в глаза.

– Я... я, кажется, до сих пор не сказала вам спасибо за своевременное вмешательство, ваша светлость. Очень вам благодарна.

– Интересно, насколько вы благодарны?

Ее ресницы испуганно взлетели вверх.

– Ваша светлость?

– Не обращайтесь внимания, – отмахнулся он. – Возможно, будет лучше, если вы пройдете в библиотеку и запретите за мной дверь, дабы вас больше никто не побеспокоил.

Он еще раз бросил холодный взгляд на проходящего в себя юношу.

Пандора задрожала, несмотря на то что закуталась в теплый сюртук герцога. Исходившие от него ароматы сандала с сосновыми нотками, дорогого табака и еще чего-то успокаивали, при этом возбуждая.

– Я так и поступлю, с радостью, – согласилась она, следуя за герцогом в библиотеку, ярко освещенную свечами.

Напряжение немного улеглось, когда он запер дверь на террасу и задернул шторы.

Когда страх отступил, к Пандоре внезапно пришло понимание, осознание того, что могло произойти, не подоспей на помощь Руперт Стерлинг. Лорд Сугдон, несмотря на все свое слюнтяйство, был мужчиной крупным, намного сильнее ее, и вполне мог довести задуманное до конца.

– Полагаю, вам лучше не заикливаться на том, что могло бы случиться, – посоветовал ей Руперт, словно прочел ее мысли. Он без труда проследил за ходом ее мыслей, что не составило труда, достаточно было увидеть, как внезапно она побелела.

– Не заикливаться?! – выдохнула она. – Как я могу не думать об этом? Если бы не ваше вмешательство, он... он мог...

– О господи, теперь вы плачете! – застонал он, увидев крупные слезинки, брызнувшие из-под длинных ресниц на бледные щеки. Руперт, как и любой другой мужчина, оказался бессилен перед женскими слезами. – Думайте о том, что я все же вмешался, мадам, и покончим с этим, – взмолился он.

Длинные ресницы поднялись впервые за все это время, явив взору Руперта хваленые «восхитительные глазки». Они действительно были цвета весенних фиалок, глубокого и насыщенного. Фиолетовые озера, в которых мужчина без труда утонет, напрочь лишившись разума, что, собственно, уже произошло по меньшей мере с двумя.

– Простите, что потревожила вас своими истериками, ваша светлость. – Пандора вела упорную борьбу со слезами, промакивая щеки кружевным платочком, который достала из расшитого бисером ридикюля на хрупком запястье.

Руперт действительно встревожился. Вообще-то тревога до сих пор не отпускала его, но причиной тому были вовсе не слезы, а завораживающий эффект от фиалковых глаз.

– Если у вас осталась капля разума, вы не покинете библиотеку, пока я не вернусь с экипажем для вас, – в приказном тоне известил Руперт, глядя на нее сверху вниз.

Пандора поежилась, заметив раздражение на его аристократическом лице и стальные нотки в голосе. Возможно, он уже сожалел о том, что пришел ей на помощь. Или просто хотел поскорее избавиться от неожиданной обузы?

– Уверяю вас, я вполне вменяема, ваша светлость, – мягко заверила она его. – Но как вы появитесь в коридоре без своего сюртука? – поразилась она, увидев, что именно это он и намерен сделать.

– А у меня есть выбор? Вам он сейчас гораздо нужнее, чем мне. – Бросив на нее взгляд, он резко развернулся на каблуках, вышел из библиотеки и захлопнул за собой дверь. – Заприте ее, – донеслось с той стороны.

Пандора, не мешкая, плотнее закуталась в сюртук Руперта Стерлинга и привалилась спиной к двери. Теперь она находилась в относительной безопасности, но чувствовала, что не сможет вздохнуть спокойно, пока не покинет стены Клейборн-Хаус и его посетителей.

Включая невольного спасителя?

«Да, и его в том числе», – признала Пандора, которая никак не могла унять дрожь. Что-то непонятное таилось в его взгляде, пока он разглядывал ее при свете свечей, нечто пугающее в выражении сурового аристократического лица. Будто он проник в самые недра ее души. Вероятно, увидел там все, что ему требовалось, и, учитывая то, как быстро покинул библиотеку, однозначный вывод напрашивался сам собой – он спешил поскорее избавиться от нее.

Несомненно, он бы уже давно откланялся, если бы не невольная ответственность за нее.

Ноги ее подкосились, когда ужас от чуть было не произошедшего вновь охватил Пандору. Не появившись Руперт Стерлинг, лорд Сугдон непременно взял бы ее. С ее позволения или без. В случае с ним определенно без него!

Она прекрасно знала, какое мнение сложилось о ней в обществе. Свет убежден, что она наставила своему мужу рога с сэром Томасом Стэнли, засим последовала пистолетная дуэль на рассвете, после чего минуту спустя оба джентльмена замертво упали на землю.

Все это неправда, каждое слово – ложь.

Но именно в эту ложь свет предпочел поверить год тому назад, когда Пандора попыталась снять с себя все обвинения в измене. К несчастью, нынешнее происшествие показало, что и сейчас никто не верит в ее невиновность.

Из подслушанного разговора Руперта и Данте стало ясно: слухи докатились и до них. Значит, толпа до сих пор треплет ее имя.

Четыре года тому назад, еще до брака с Барнаби, Пандора была доверчивой и наивной мисс Симпсон, единственной дочерью обедневшего землевладельца и греческого ученого из Вустершира сэра Вальтера Симпсона и его жены леди Сары.

Первый же сезон прошел для нее удачно, она получила несколько предложений руки и сердца от джентльменов, которые ей понравились, но отец счел их всех недостойными претендентами. Лишь позднее она поняла, что женихи были просто недостаточно богаты и не смогли бы заткнуть дыры в семейном бюджете Симпсонов, которые явились следствием неумелого ведения хозяйства. Сэр Вальтер был никудышным землевладельцем, предпочитая корпеть над научными фолиантами, а не над финансовыми отчетами.

Во время второго сезона поступило предложение от юного, красивого и невероятно богатого Барнаби Мейбери, герцога Виндвуда, за которое сэр Вальтер жадно уцепился руками и ногами.

Может статься, Пандора немного несправедлива, возлагая всю ответственность за свой брак на отца, ведь он уже давно на том свете и не может защитить себя. Три зимы назад сэр

Вальтер скончался от инфлюэнцы, и ее дорогая матушка последовала за ним несколько недель спустя. В конце концов, внимание красивого и богатого джентльмена польстило самой Пандоре, и она с нетерпением ожидала возможности стать его герцогиней.

В суматошные дни ее недолгой помолвки с очаровательным и заботливым герцогом Виндвудом ничто не указывало на грядущий кошмар, в который превратилась ее жизнь, стоило им стать мужем и женой.

Кошмар не развеялся и после гибели на дуэли мужа, предположительно защищавшего честь и достоинство своей жены. Разразившийся скандал буквально преследовал ее по пятам, его кульминацией и финалом стало сегодняшнее нападение лорда Сугдона.

Нынче вечером Пандора окончательно убедилась в том, что для всех, и в первую очередь для нее самой, будет лучше, если она окончательно перестанет выходить в свет.

Большая часть богатства Барнаби перешла к его дальнему кузену, наследнику по мужской линии, однако по брачному контракту кое-какие деньги вместе с домом в Лондоне, не связанным с поместьем герцога, достались Пандоре. Честно говоря, район был не слишком фешенебельным, но у нее, по крайней мере, было место, где она могла спокойно проводить дни в уединении в течение всего года траура. Возможно, средств от его продажи вкупе с теми, что уже есть на счете, хватит для покупки собственности в деревне, куда она сможет навсегда удалиться, и тогда ее, наконец, оставят в покое.

Она знала, что София и Женевьева не одобряют подобного решения. Обе женщины – сама доброта. В первую же их встречу они с жаром заявили, что нет на свете ни одной жены, которая не хотела бы время от времени наставить мужу рога, а то и вовсе прибить его.

Несмотря на доверительные отношения, Пандора не смогла открыть Софии и Женевьеве, что она невинна в обоих преступлениях. На то были свои причины, а правда слишком горька и причинила бы вред скорее самой Пандоре.

После неприятных событий нынешнего вечера она поняла, что в Лондоне ей уготовано превратиться в дичь для таких авантюристов, как лорд Сугдон. Подобная судьба никоим образом не прельщала ее, как бы сильно она ни ценила дружбу двух высородных дам.

– Можете открыть дверь, Пандора, – вслед за стуком прогремел за дверью голос герцога Стерлинга.

Едва переступив порог, Руперт понял, что она немного успокоилась и собралась с мыслями. Бледность, конечно, еще не прошла, на дне фиалковых глаз таился испуг, но красивое лицо выражало скорее отрешенное достоинство, нежели смятение.

А она была действительно хороша собой: кожа цвета слоновой кости, высокий лоб, невероятные глаза, короткий прямой носик над идеальным изгибом чувственных губ, упрямый, немного заостренный подбородок. Руперт не удивился тому, что два джентльмена, муж и любовник, решились на дуэль, заявляя свои права на эту красоту.

Он поджал губы.

– Хозяйку известили о вашем отъезде, экипаж ждет и готов доставить вас домой. Вот, наденьте, я принес это для вас. – Он протянул ей черную накидку, которую занял у дворецкого герцогини Клейборн. – Так вы сможете вернуть мой сюртук и прикрыть свое собственное... поврежденное платье.

– Спасибо, – выдавила она, опустив ресницы, ни разу не подняв на него глаза, пока обменивалась с ним одеждой.

Руперт натянул сюртук и поправил рукава.

– Зачем вы вообще решили выйти на улицу с таким мужчиной, как Сугдон? Что на вас нашло? – Он неодобрительно посмотрел на Пандору.

Густые ресницы вспорхнули вверх, огромные фиалковые глаза возмущенно уставились на него.

– Я не выходила с лордом Сугдоном! Я некоторое время стояла на террасе, где он и нашел меня... – Она замолчала на полуслове и залилась краской. Господи, да она ведь только что призналась в том, что находилась прямо у окон библиотеки, когда Руперт беседовал с Данте наедине!

«Много ли она слышала?» – задался вопросом Руперт. Последние комментарии в ее адрес наверняка достигли ее ушей, чему свидетельствовали горящие щеки!

– В самом деле? – Его ноздри затрепетали. – Услышали что-нибудь интересное?

Она расправила плечи и вытянулась во весь свой чуть больше пяти футов рост:

– Абсолютно ничего, ваша светлость.

– Нет? – насмешливо приподнял он бровь.

– Нет. – Пандора вовсе не собиралась признаваться, что подслушала их разговор насчет его мачехи. Замечания Данте Карфакса в ее адрес были не слишком оскорбительными, хотя его мнение, как, впрочем, и многих представителей высшего общества, жидилось скорее на слухах, чем на знании.

Или, по крайней мере, так было до того, как Руперту Стерлингу пришлось спасти ее от нежелательного внимания лорда Сугдона!

Она тяжело вздохнула:

– Думаю, мне пора домой, ваша светлость.

– Я тоже так считаю, – согласился он. – Дворецкий герцогини договорился, чтобы экипаж подали с черного, а не с парадного подъезда, чтобы мы могли спокойно выйти через кухню без риска столкнуться с гостями герцогини и вызвать их любопытство насчет вашего... внешнего вида, – сухо добавил он, заметив ее потрясенный взгляд.

– «Мы», ваша светлость? – медленно повторила она.

Так, значит, ее удивило не то, каким образом они собираются покинуть дом, а то, что он намерен отбыть вместе с ней.

– Мы. – Он решительно взял ее под локоть и открыл дверь.

Но Пандора даже не сдвинулась с места.

– Я давно привыкла к тому, что в обществе говорят обо мне, ваша светлость, но должна предупредить вас...

– Мне тоже прекрасно известно, какие сплетни в том же самом обществе распускают обо мне, мадам, – усмехнулся он, глядя на нее свысока. – Но вы уже должны были понять, что нынче вечером я не в настроении подтверждать... далеко не лицеприятные слухи о моем отношении к леди, которые могли дойти до вас.

Ее порадовал такой ответ, ибо она начала бояться случайно попасть из огня да в полымя!

Вообще она сильно сомневалась, что большинство женщин нашли бы внимание такого возмутительно-красивого и заманчивого аристократа, как восьмой герцог Страттон, неприемлемым!

Когда-то давным-давно, до своего несчастного брака, Пандора и сама пришла бы в восторг – нет, в экстаз! – привлеки она внимание столь потрясающего джентльмена. Но только не теперь. Теперь у нее иной девиз – чем меньше внимания, тем лучше.

– Тогда давайте уйдем отсюда, ваша светлость, – неохотно согласилась она, накинув на голову капюшон, скрывая волосы и лицо.

Однако вся ее маскировка пошла прахом: пройти незамеченными через служебную часть дома и кухню все равно не удалось!

Да и могло ли быть иначе, когда рядом с ней вышагивал Руперт Стерлинг собственной персоной?

Вся челядь Софии Роудандз задохнулась от любопытства, увидев, как прекрасный герцог марширует через их половину, и во все глаза разглядывала его спутницу, завернутую в плащ.

– Да уж, ускользнуть тайком явно не получилось, – констатировал он, когда они оказались на темной аллее позади ярко освещенного особняка.

– Согласна.

Пандора нахмурилась, увидев только один экипаж, модную черную карету с гербом Страттонов на двери, которую торопливо распахнул для них грум.

– Похоже, мой экипаж еще не прибыл, ваша светлость...

– И не прибудет, – заверил ее герцог, продолжая твердо держать даму под локоть и упрямо подталкивать ее к карете. – Что бы ни говорило обо мне общество, ваша милость, моя нянюшка и учителя воспитали меня порядочным человеком. Я знаю, что такое хорошие манеры, даже если не всегда придерживаюсь их в жизни. – Он пропустил ее вперед. – Одно из правил гласит, что джентльмен не должен оставлять расстроенную леди в беде, – мягко добавил он.

Единственное, что расстраивало Пандору в данный момент, – мысль о том, что ей предстоит поездка по улицам Лондона в карете герцога Страттона и возвращение домой не в собственном экипаже!

Глава 3

Она судорожно вздохнула:

– В данном случае я бы предпочла, чтобы вы пренебрегли уроками вашей няни и учителей, ваша светлость.

На несколько секунд в воздухе повисло молчание, потом герцог вдруг разразился хохотом.

– Мой друг Карфакс не сказал, что вы особенная, Пандора Мейбери. – Он цокнул восхищенно языком.

– Может, потому, что это не так. – Ее начал тревожить нездоровый огонек в серых ледяных глазах, уставившихся на нее.

– Позволю себе не согласиться, – протянул герцог.

– Воля ваша, конечно. – Она холодно кивнула. – Но я действительно предпочла бы вернуться домой так, как приехала, одна и в собственном экипаже.

– Почему?

Ее волнение нарастало.

– Я... Ну, потому что...

– Возможно, вы нервничаете при мысли о путешествии в герцогской карете наедине со мной?

– Конечно нет! – Пандора сверкнула на него глазами в темноте.

– Хорошо. – Он удовлетворенно поджал губы, в буквальном смысле слова поднял ее и усадил в освещенную фонарем карету на плюшевое сиденье. Потом резво запрыгнул следом, устроился на противоположном сиденье и кивком велел груму закрыть дверцу. Через секунду они уже тронулись в путь.

«Интересно куда, – подумала Пандора, – герцог даже не спросил, в каком районе находится ее дом».

Тем временем Руперт изучал свою спутницу из-под прикрытых век. Здесь, внутри кареты, в мягком свете фонаря он получил возможность как следует рассмотреть ее. Волосы и ресницы словно отлиты из чистого золота – идеальная оправка для ярко-фиалковых глаз, кожа слоновой кости, пухлые соблазнительные губки, что спелая малина, выдающие страстную натуру. Возможно, из-за этого и сразились на дуэли два джентльмена. Того же цвета и сосочки, которые он чуть раньше успел разглядеть сквозь сорочку, венчающие на удивление полные грудки.

Если выудить из прически все шпильки, накroют ли золотые локоны эти прекрасные, дерзко вздернутые полушария, будут ли выглядывать через них сосочки? И что еще интереснее, окажутся ли кудряшки внизу живота такими же золотистыми, если ее полностью раздеть?

Бог ты мой, неужели его жизнь и без того недостаточно запутана, чтобы еще пускаться в размышления по поводу прелестей Пандоры Мейбери без одежды!

– Было вовсе не обязательно заносить меня в карету на руках, ваша светлость, – прозвучало в тишине. – Уверяю вас, я достаточно молода и здорова, чтобы забраться в экипаж без посторонней помощи.

– Однако вы даже не попытались сделать это, – холодно заметил Руперт, недовольный тем, какой оборот приняли его мысли.

– Потому что, как уже говорила, я намеревалась отыскать свой экипаж.

– А я уже объяснял вам, почему такое положение дел не подходит мне. – Он метнул раздраженный взгляд на упрямую спутницу. Терпение Руперта – коего, честно говоря, и так кот наплакал – иссякало.

Она опустила ресницы, белые щеки залил румянец.

- Я уже говорила, что благодарна вам за помощь, оказанную нынче вечером...
- Чего не скажешь по тому, как вы сейчас со мной обращаетесь!

Пандора страдальчески нахмурилась, глядя на него. Может, она заслужила эту критику, ведь действительно последние несколько минут не слишком-то любезна, поскольку, против своей воли, чувствовала себя очень неуютно наедине со Стерлингом в его экипаже.

Каждая измученная клеточка ее тела настороженно замерла, когда она увидела, как фамильярно он рассматривает ее лицо и грудь. Более того, несмотря на призывы рациональной половины мозга, она тоже не могла удержаться от взглядов в его сторону.

Его золотистые волосы теперь в полном беспорядке упали на лоб и завивались на висках и шее, мерцание фонаря придавало строгость высоким скулам и квадратному подбородку, расслабленная поза на плюшевом сиденье совершенно не соответствовала острому взгляду умных серых глаз, посверкивающих из-под полуприкрытых век. Перед ней сидел один из самых красивых джентльменов, которых ей доводилось видеть, возможно, даже красивее темноволосого и голубоглазого Барнаби с его мальчишеской миловидностью.

К несчастью, судя по репутации герцога Страттона, столь потенциально опасного джентльмена она тоже никогда не встречала, вот почему так растерялась в его компании.

– Я просто не хотела причинять вам дальнейшие неудобства, потому и просила вернуть меня домой в моем экипаже.

Ноздри его аристократического носа затрепетали.

– Не могли бы мы сменить тему, Пандора?

Она удивленно моргнула:

– Конечно, если вам угодно.

– Угодно... – коротко кивнул он. – Мне уже прискучило повторение.

Он с отсутствующим видом уставился в окошко на залитые лунным светом улицы Лондона и проезжающие мимо экипажи. У Пандоры упало сердце. Он наверняка уже горько жалеет о том, что вообще взялся провожать ее домой.

За годы брака она очень часто бывала в свете. Барнаби считал, что сопровождать его на балы и вечеринки – ее супружеский долг, поэтому она давным-давно научилась вести бес-содержательные беседы, коим леди и джентльмены предавались на таких мероприятиях. При этом свои мысли и идеи она предпочитала держать при себе.

До знакомства с Софией и Женеьевой Пандора пребывала в твердой уверенности, что в высшем обществе уже не найти умных дам и господ, не говоря уже о тех, кого удручала вся эта бессмысленная суета.

И вот оказалось, что Руперт – Дьявол! – Стерлинг тоже не приветствует пустые разговоры...

От любопытства она чуть подалась вперед.

– Может, вы не прочь обсудить литературу? Или политику?

– Правда? – Он удивленно приподнял бровь.

Пандора серьезно кивнула:

– Мой отец был греческим ученым и позаботился о том, чтобы я могла поддерживать беседу на подобные темы.

Руперт недовольно поджал губы, поймав себя на том, что снова оказался в плену завораживающих фиалковых глаз.

– Полагаю, именно поэтому у вас такое необычное имя – Пандора?

Если Руперт правильно помнил греческую мифологию, настоящая Пандора была женщиной, которую каждый из богов наделил особым даром, дабы она могла погубить смертных.

Никто не усомнился бы в том, что эта Пандора обладала красотой оригинала, но могла бы она довести до гибели мужчину?

Если слухи о злополучной дуэли достоверны, тогда определенно да!

Пандора с опаской смотрела на Дьявола Стерлинга.

– Думаю, нарекая меня этим именем, отец верил, что оно подарит мне грацию и красоту.

– В таком случае он не был разочарован, – кивнул герцог в подтверждение ее слов. – А он, случайно, не упустил из виду, что Пандора выпустила на волю все беды человеческие?

Руперт, конечно, сделал ей комплимент, согласившись, что она обладает грацией и красотой, но ее это совсем не вдохновило. А кого бы вдохновил оскорбительный намек вслед за лестным высказыванием?

– Будь мой отец жив, он наверняка с удовольствием поспорил бы с вами о том, вызваны ли обрушившиеся на мир несчастья поступком Пандоры, или это вина самого человека.

Золотые брови Руперта высоко поднялись.

– Ваш батюшка придерживался мнения, что каждый человек, будь то мужчина или женщина, способен сам себя разрушить?

– Вы не согласны? – усмехнулась она.

Руперт не мог припомнить, чтобы когда-нибудь беседовал с женщиной на тему греческой мифологии, не говоря уже о философии. Отец Пандоры явно был выдающимся ученым и много сил отдавал на образование дочери.

Руперт уже пожалел о том, что посадил эту дамочку в свою карету. Мало того что она привлекала его физически, он еще определенно не желает знать, что за милым фасадом ветреницы, как окрестил ее свет, кроется нечто более интересное.

– ...сообщить мне, куда мы направляемся, ваша светлость? – прервала она его размышления.

– Извините?

– Я спросила, не будете ли вы против сообщить мне, куда мы направляемся. – Ее чувственный голос сел от волнения.

На его губах заиграла ленивая улыбка.

– Видите ли, я не знал, что мне выпадет сомнительное удовольствие успокаивать истеричную леди, и посоветовал своему кучеру поехать по Лондону, пока вы не успокоитесь настолько, чтобы сообщить мне место своего проживания.

– Мой дом находится на Джермин-стрит, ваша светлость. – Она с печальной улыбкой подождала, пока Руперт сообщит кучеру адрес, и продолжила: – Признаюсь, недостойное поведение лорда Сугдона расстроило меня, ваша светлость, но уверяю вас, я не из тех женщин, которые легко падают в обморок.

Герцогу вовсе не обязательно было знать, насколько близка она была к этому состоянию, когда вышеупомянутый господин порвал ей платье и грубо прижал к себе.

– А из каких вы женщин?

Она подозрительно уставилась на него, но не смогла ничего прочесть по непроницаемому лицу джентльмена, расслабленно привалившегося к спинке сиденья.

– Свет мог заставить вас поверить в то...

– Уверяю вас, свет может верить или не верить в то, что ему нравится в отношении вас или кого-то еще, но у меня на этот счет собственные соображения. – Он элегантно махнул рукой.

Пандора облизала пересохшие губы кончиком языка.

– Боюсь, я не очень понимаю вопрос, поскольку мое мнение о себе самой сильно отличается от мнения окружающих. Это же очевидно.

– Почему очевидно? – нахмурился он. – Вот, например, меня свет считает заносчивым гордецом и повесой в отношении женщин, и у меня нет аргументов против.

Она улыбнулась такой оценке.

– Но у вас внутри кроется гораздо больше, не правда ли?

– Неужели? – приподнял он брови.

Пандора кивнула:

– Нынче вечером вы проявили благородство и доброту.

– Советую вам не приписывать мне добродетели, коими я не обладаю и не желаю обладать, – предупредил он.

В ответ она лишь покачала головой.

– У меня свои причины наделять вас и тем и другим после того, как вы... играючи поставили лорда Сугдона на место.

Герцог поджал губы.

– А если я скажу вам, что мое поведение не имело к вам никакого отношения? Просто сегодня было такое скверное настроение, что я был рад подвернувшейся возможности ударить кого-нибудь? Любого. Не важно, по какой причине!

Припомнив разговор Руперта с графом Шербурном, Пандора поняла, что это не пустые слова.

– Тогда я скажу, что причина, по которой вы так повели себя, абсолютно не важна. В данном случае важен результат – мое спасение.

Руперт озадаченно уставился на нее.

– А я, с вашего позволения, замечу, что вы совсем не такая, какой описывает свет.

Она мелодично рассмеялась:

– О, еще как позволю, ваша светлость...

– Руперт.

Ее веселье как рукой сняло, во взгляде появилась неуверенность.

– Простите?

Он посмотрел на нее из-под прикрытых век.

– Мне бы хотелось, чтобы вы называли меня Рупертом.

Она прижалась к спинке сиденья, чтобы отдалиться, насколько возможно, от него.

– Я не могу допустить столь фамильярное обращение, сэр.

– Почему нет? Вы герцогиня, я герцог, таким образом, мы с вами ровня. Или у вас уже столько друзей, что вы не знаете, куда их девать, и вам не нужен еще один? – не без сарказма заметил он.

Она судорожно сглотнула, прежде чем ответить.

– Вы должны знать, что это не так.

Да, он уже успел заметить, что единственно, кто проявлял к ней интерес в высшем обществе, джентльмены, у которых на уме явно не дружба. Подобные Сугдону.

– Наша дорогая хозяйка дома и ее подруга герцогиня Вуллerton явно дорожат вашей дружбой.

Пандора немного расслабилась.

– Да, они настолько любезны, что несколько недель тому назад одарили меня своим расположением.

– Так говорят.

– Надеюсь, это им не повредит? – забеспокоилась она.

– А вам не все равно, если бы и повредило? – любопытно спросил он.

– Конечно нет! – Она разволновалась не на шутку, ее лицо горело, пальцы в кружевных перчатках крепко сжимали накидку. – Я не хочу стать причиной того, что свет начнет сторониться этих двух милых леди.

– Как вас? – поднажал он.

– Да, – едва слышно призналась она.

Он пожал плечами:

– Полагаю, обе дамы находятся в том возрасте, когда люди сами вольны выбирать себе друзей. Впрочем, как и я, – добавил он.

Пандора настороженно покосилась на него:

– Но мы не друзья, ваша светлость, а просто знакомые.

– Возможно, со временем мы сможем ими стать. – Руперт внимательно всмотрелся в нее. – Расскажите мне о своем браке с Мейбери.

Резкая смена темы поразила Пандору.

– С какой целью?

– Естественное любопытство, учитывая обстоятельства его смерти? – сказал Руперт.

– Не вижу ничего естественного, ваша светлость. – Она гордо вскинула подбородок.

Он пожал плечами:

– Не исключено, потому что вам все известно.

– А разве может быть иначе, ведь Барнаби был моим мужем! – яростно сверкнула она глазами.

– Это был брак по любви? По крайней мере, похоже, что Барнаби вас обожал, – задумчиво произнес он.

– Как это водится в свете, у нас был брак по расчету, – насупилась Пандора.

– Но счастливый? Хотя бы вначале?

– Даже изначально!

Пандора практически с первой минуты поняла, что Барнаби женился на ней только потому, что ему была нужна юная, а значит, безответная и податливая супруга, сопровождающая его на мероприятия во время сезона и играющая роль хозяйки его многочисленных особняков в Лондоне и в деревне. Жена, которая не станет вмешиваться в его жизнь. Барнаби и до брака не проявлял к ней особого интереса, так с чего было ожидать пылких чувств после свадьбы?

После долгих самокопаний Пандора поняла, что у нее нет выбора, кроме как смириться с этими тяжелыми узами. Такова, видно, ее судьба. И если при этом ей придется расстаться с девичьими мечтами о любви и великой страсти, что ж, это ее проблемы, и ничьи больше.

Она вовсе не собиралась делиться своими разочарованиями с высокомерным господином, сидящим напротив.

– Вот мы и прибыли, ваша светлость, – с облегчением вздохнула Пандора. Она подвинулась ближе к краю, готовая выпрыгнуть из кареты, как только грум откроет дверцу. – Еще раз спасибо вам за помощь.

– Я загляну к вам завтра.

– С какой целью? – резко обернулась она, уже сделав шаг наружу.

Герцог сверкнул белозубой улыбкой, выходя следом за ней.

– Ну, например, с целью удостовериться, что вы полностью оправились от вечернего проишествия конечно же.

Не могло быть никаких «конечно же» с этим заносчивым джентльменом. Она не желала принимать у себя Руперта ни завтра, ни вообще когда-либо.

Она подозревала, что, несмотря на все их ухищрения, весть о закутанной в плащ даме, покидающей бал Софии в карете герцога Страттона, к утру непременно распространится по Лондону, как пожар. Не хватало только слухов о том, что он посетил ее на следующий день!

– Уверяю вас, я уже полностью оправилась, ваша светлость.

– И все же я вас спас и теперь чувствую себя обязанным лично удостовериться в этом поутру, – продолжал настаивать он.

Пандора в отчаянии воззрилась на него. Всего несколько минут назад он полностью отрицал наличие у себя каких-либо тонких чувств, но открыто признать это она не могла, всей кожей ощущая присутствие посторонних ушей в виде грума. Если он притворяется глухим и слепым, это вовсе не значит, что он не запоминает каждое сказанное ими слово, чтобы было о чем посплетничать на досуге с другими слугами герцога.

Благородные господа жестоко заблуждаются, полагая, что челядь не обсуждает их поступки. И недостатки...

Пандора гордо расправила плечи.

– Поступайте, как считаете нужным, ваша светлость, – холодно бросила она.

– Я обычно так и делаю, – заверил он ее, беря за руку. Он намеренно не сводил насмешливого взгляда с ее потрясенных глаз, когда прижимался губами к кружевной перчатке. – До завтра, Пандора.

Она вырвала у него руку.

– Прощайте, ваша светлость.

– Нет, моя дорогая Пандора, до свидания, уверяю вас, – промурлыкал он, наблюдая, как она поднялась по ступенькам особняка и проскользнула в дверь, которая распахнулась перед ней, не успела она поставить ногу на верхнюю ступеньку.

И ни разу не обернулась!

Он нахмурился при мысли, что ему пора возвращаться домой.

И о женщине, которая, вне всяких сомнений, ждет его там...

Глава 4

Как мило с вашей стороны нанести мне визит, ваша светлость! – Пандора, каждой клеточкой источая любезность, поднялась и присела перед Рупертом в реверансе, когда он с присущей ему заносчивостью прошествовал в кремово-голубой салон ее лондонского особняка. Она кивнула Бентли, своему дворецкому, разрешая ему удалиться. Лишь Всевышний знал, сколько усилий она приложила, дабы сохранить спокойствие и не показать, как сильно ее встревожило то обстоятельство, что джентльмен решил-таки сдержать слово и заявился к ней с утра пораньше.

Герцог выглядел умопомрачительно.

– Ваша светлость, позвольте представить нашего семейного поверенного мистера Энтони Джессопа. – Пандора обернулась на относительно молодого темноволосого джентльмена, который находился с ней в комнате. – Мистер Джессоп, это его светлость герцог Страттон.

Джентльмены поприветствовали друг друга – поверенный грациозно поклонился, герцог напряженно кивнул. Мистер Энтони Джессоп стал поспешно собирать бумаги со стола, явно чувствуя себя не в своей тарелке под пронзительным взглядом серых глаз Руперта.

– Дадите мне знать, когда все уладится, Пандора? – с улыбкой повернулся он к ней.

Она был раздражена, поскольку нынче первым делом связалась с конторой Энтони Джессопа, и этот джентльмен уже через час был у нее, но из-за появления герцога пришлось спешно заканчивать переговоры. Как бы ей хотелось придумать благородный повод выпроводить Страттона вон из дома!

– Конечно.

Она позвонила в колокольчик, вызывая дворецкого, тепло улыбнулась мужчине, который несколько лет, вплоть до смерти Барнаби, был его поверенным и теперь перешел к ней. Весь последний год ей приходилось не только вести домашние дела, но и заниматься своими личными финансами, без его помощи она бы попросту не справилась.

Поверенный повернулся и кивнул гостю, чуть моложе его самого.

– Ваша светлость.

– Джессоп. – Ответной улыбки не последовало. Руперт молча ждал, пока тот удалится из комнаты в сопровождении дворецкого. – Весенняя уборка, Пандора?

– Прошу прощения? – непонимающе уставилась она на него.

– Я заметил в прихожей несколько сундуков, видимо ожидающих, чтобы перебрали их содержимое, прежде чем раздать бедным.

Она судорожно вдохнула, еще вчера заметив, что герцогу чужды пустопорожные светские разговоры, сегодня утром он, по всей видимости, решил продолжить откровенные беседы!

И все же она сделала попытку вернуться в привычное русло и вопросительно взглянула на него.

– Не желаете ли чего-нибудь освежающего, ваша светлость?

– Нет, – категорично отверг он ее предложение.

– В таком случае, может быть, присядете, ваша светлость? – Она махнула рукой в сторону кресла, самого дальнего от кремового дивана, на котором сидела сама.

Он полностью проигнорировал ее жест, решительным шагом пересек комнату и опустился рядом с ней на тот же самый диван! Его близость помимо воли взволновала ее.

– Может, соблаговолите пояснить, что тут происходит, Пандора? – с нажимом произнес он.

– А что происходит, ваша светлость?

Его чувственные губы изогнулись в невеселой улыбке.

– Сундуки в прихожей и поверенный в вашем салоне.

– Какая нынче хорошая погода, ваша светлость, не правда ли? Тепло, и солнышко светит. – Пандора повернулась и уставилась в окно на залитый солнцем сад. – Вы приехали верхом или в экипаже?

– Какое это имеет значение? – Он стал терять терпение.

– Я просто...

– Я знаю, что у вас все просто, Пандора, но не собираюсь сидеть здесь и обмениваться с вами ничего не значащими глупостями. – Он мрачно сверкнул глазами. – Я снова спрашиваю: почему поверенный посетил вас в столь ранний час и что означают эти сундуки в холле?

«Ну и упрям же он!» – подумала Пандора, нахмурившись.

– Не могли бы вы хотя бы... попробовать притвориться вежливым и поддержать беседу?

– Нет.

Она в волнении поднялась.

– Я уже говорила, что полностью оправилась от вчерашних... неприятностей. Спасибо за заботу. – И многозначительно приподняла брови.

Руперт не обратил никакого внимания на ее откровенную отповедь. Он и сам видел, что – по крайней мере, внешне – она действительно оправилась от назойливых ухаживаний Сугдона. Ее золотистые локоны вновь тщательно уложены, несколько милых кудряшек спадали на виски и шею, бледно-лиловое платье служило изумительным фоном для фиалковых глаз, на щеках розовел румянец.

Но он заметил, что все показное и она просто хочет выглядеть учтивой и гостеприимной хозяйкой.

В обычных обстоятельствах ей бы это удалось, если бы не тени под прелестными глазами, которые, несмотря на все усилия Руперта убедить себя в обратном, нынче были так же хороши, как и вчера.

Да и румянец не натуральный, а результат умелого использования косметики. В довершение всего – напряженные морщинки вокруг вежливо улыбающихся губ. На изумительно-стройной шее лихорадочно билась жилка, дыхание участилось.

К тому же присутствие поверенного. По мнению Руперта, тот слишком фамильярно обращался к хозяйке дома по имени. И эти сундуки в коридоре!

Если бы он не заметил всего этого, то согласился бы с тем, что она оправилась от удара!

– Думаю, вам будет приятно узнать, что я навел сегодня утром справки и выяснил, что лорд Сугдон отказался от посещения всех дальнейших мероприятий и до конца недели собирается удалиться в свое родовое поместье в Йоркшире.

– Я благодарна вам за добрые вести, – с явным облегчением кивнула она.

Руперт поднялся с дивана и рявкнул:

– Достаточно благодарны, чтобы ответить на заданный ранее вопрос?!

– Я бы просила вас не повышать на меня голос, сэръ!

«Так-то лучше, – удовлетворенно хмыкнул про себя Руперт, когда в фиалковых глазах полыхнул непокорный огонек. – Намного, намного лучше».

– Очень хорошо, Пандора, – сухо отметил Руперт, сознательно переходя на более вежливый тон. – Будьте так любезны, объясните, почему все ваши пожитки уложены в сундуки и почему утром к вам приходил поверенный. Во всяком случае, если я правильно понял и поверенный действительно пришел утром.

Она возмущенно стрельнула на него глазами.

– Да, в коридоре действительно стоят сундуки, и мой поверенный действительно приходил ко мне нынче утром, – подчеркнула она, – потому что я покидаю Лондон.

Подозрения подтверждались. Он недовольно нахмурился:

– Мудро ли с вашей стороны уезжать из столицы в одно время с Сугдоном?

Кровь бросилась ей в лицо.

– Это чистое совпадение.

– Мне-то это понятно, а как насчет остальных?

– Мне кажется, мы с вами сошлись на том, что свет может говорить, что ему вздумается, невзирая на мои поступки.

– Не люблю, когда мои слова оборачиваются против меня, – помрачнел он.

Пандора пожала хрупкими плечами.

– Даже если это правда?

– Когда вы уезжаете? И куда? И как надолго?

Она неопределенно махнула рукой в кружевной перчатке.

– Как только все будет готово для отъезда. Что касается того куда и насколько... Я решу в ближайшие дни.

Руперт окинул ее критическим взглядом прищуренных глаз. Неужели он ошибся в этой женщине, посчитав ее храброй? Ведь она так здорово держалась после физической и словесной атаки Сугдона. И стойко отражала все его, Руперта, нападки в карете по дороге домой.

– Другими словами, вы позволили общественному мнению взять над вами верх и решили сбежать.

– Это несправедливо! – Теперь уже ее щеки горели настоящим румянцем.

– Несправедлива жизнь, но не я, Пандора, – пожал он плечами.

– Я никуда не сбегаяю, ваша светлость, – подняла она подбородок. – Я просто решила, что общество пока не готово... простить или забыть события годичной давности.

– И никогда не будет готово, если вы сбежите, поджав хвост, и спрячетесь у себя в норе.

Сказать, что он разочарован в ней, означало бы признать, что их мимолетное знакомство слишком много для него значит. А этого он не допускал, не мог допустить за годы безраздельного цинизма.

Черт побери, уже одного вчерашнего неприятного возвращения в Страттон-Хаус достаточно, чтобы вспомнить, насколько женщины непостоянны. Этим неприятностям пора положить конец, как и всей ситуации с Патрисией Стерлинг. Причем немедленно! Ни дня, ни часа нельзя терпеть!

– Легко вам говорить. – В восхитительных глазах блеснули слезы. – Я надеялась... – Она покачала головой, упрямо сражаясь со слезами. – После событий вчерашнего вечера я поняла, что в настоящий момент мне нечего делать в Лондоне.

– Но ведь у вас есть подруги, герцогини Клейборн и Вуллerton.

Она тяжело вздохнула:

– Да. И я безмерно благодарна им за дружбу. Но даже для них будет лучше, если я покину Лондон по крайней мере на какое-то время.

Руперт возмущенно фыркнул:

– Ну, что я говорил, сбегаете.

– Прекратите говорить таким тоном, будто я виновна в каком-нибудь отвратительном преступлении! – в отчаянии воскликнула Пандора, злясь и на Руперта, и на себя за то, что так быстро позволила гостю перейти на личности.

Вчера вечером она долго не могла сомкнуть глаз и пришла к решению, что, если герцог и впрямь нанесет ей утром визит, она сделает все возможное, чтобы вежливо встретить и вежливо выпроводить его, как едва знакомого человека. Коим он, собственно говоря, и является. Стоит ему поразмыслить на досуге о том социальном вреде, который может нанести ему общение с ней, он обязательно передумает! Однако Руперту настолько претила сама идея учтивых бесед, что сохранить с ним дистанцию практически не представлялось невозможным!

Пандора устало покачала головой, золотистые кудряшки пришли в движение.

– Вы ведь были военным? – спросила она.

Он еще больше насунился при упоминании о годах, проведенных в армии, сражаясь с Наполеоном.

– Какое это имеет отношение к делу?

На ее губах заиграла легкая улыбка.

– Разве годы противостояния не научили вас, что вступать в битву, которую можно выиграть, – это храбрый поступок, но в заведомо проигрышном бою более разумно отступить?

– Нет, – с уже привычным высокомерием отрезал он с тяжелым бескомпромиссным взглядом. – Я ни один бой не считаю заведомо проигранным. И вам пора бы уже к этому времени понять, что настроение представителей высшего общества очень переменчиво – куда ветер дует, туда и их мысли летят. Чего они действительно никогда не простят и не забудут, так это трусость. Я, а значит, и они, вне всякого сомнения, сочтут трусостью побег из Лондона из-за одного незначительного происшествия.

– Это не единственное незначительное происшествие, – задыхнулась она, – это последнее из многих.

– Вы трусиха, Пандора.

Если бы она была склонна к насилию, с удовольствием бы вlepила этому гордецу пощечину! Но за всю жизнь она ни разу никого не ударила, если не считать Ричарда Сугдона. Похоже, годы несчастного брака с Барнаби медленно, но верно убили в ней всю спонтанность, которой она когда-то обладала, превратив в холодную дамочку, способную держать себя в руках в любой, ну или практически в любой ситуации.

Вот и теперь было бы неправильно выплескивать на Руперта Стерлинга свои накопившиеся обиды.

– Если вы именно так восприняли мои поступки, боюсь, вам придется продолжать верить в это, ваша светлость.

– Если вы хоть раз назовете меня «ваша светлость», боюсь, я буду вынужден применить определенные меры, которые вам не понравятся! – процедил он сквозь ровные, белоснежные зубы.

– Почему вы вообще озаботились моей судьбой, ваш... сэр? – сердито посмотрела она в опасно прищуренные льдинки его глаз. – Может статься, вам в голову пришла блажь заново ввести в общество бедную вдовушку и, соответственно, развлечься денек-другой, пока вам не прискучит или вы не найдете себе новую забаву?

Это был вопрос, на который Руперт определенно не желал отвечать. Он нуждался в Пандоре Мейбери не меньше, чем, по его мнению, она нуждалась в защите герцога Страттона. И это немало.

Он пожал плечами.

– Причина, по которой я пришел к вам, если не считать, что я лично хотел убедиться в вашем добром здравии после вчерашнего вечера, конечно же... – начал он, подражая ее тону.

– Конечно же, – язвительно передразнила его Пандора.

– ...заключается в том, чтобы передать вам приглашение, – продолжил он. – От графини Хейборо. Она желает, чтобы вы присоединились к ней и графу в их ложе в опере нынче вечером.

Заявление явилось настолько неожиданным, что Пандора ушам своим не поверила.

– Насколько мне известно, я даже не знакома с графом и графиней Хейборо.

– Зато я знаком.

Пандора настороженно уставилась на него:

– Я не понимаю.

– Графиня приходится мне тетей по материнской линии.

– И она приглашает меня в оперу?

Герцог удивленно приподнял брови:

– Ну да.

Она нахмурилась:

– Подозреваю, вы тоже приглашены?

Он высокомерно кивнул.

– Следовательно, я буду частью компании.

– И эта компания состоит из...

– Графа и графини Хейборо. Вас. И меня.

– Почему?

Его брови едва не коснулись золотых кудрей.

– Что вы имеете в виду?

– Почему вы желаете выступить в качестве моего эскорта в опере?

– У меня на то свои причины, – поджал он красивые губы.

Выходит, Пандора не ошиблась...

– Не желаете ли поделиться ими со мной?

– Нет.

И вновь ее посетила мысль: «Дьявол по имени, дьявол по натуре»...

– Так не терпится еще раз стать свидетелем моего публичного унижения, что заручились поддержкой родственников, дабы достичь желаемого?

На скулах герцога заиграли желваки.

– Соблаговолите объяснить, каким образом поход со мной в оперу может стать причиной публичного унижения?

Она раздраженно вздохнула:

– Поймете, когда весь свет будет не просто игнорировать, а намеренно оскорблять меня.

Пренебрежение может коснуться даже вас и ваших тетушки и дядюшки.

Теперь уже Руперт, истинный аристократ, герцог Страттон, посмотрел на нее свысока.

– Уверяю вас, мадам, ни один представитель высшего света не отважится проигнорировать, не говоря уже о том, чтобы намеренно оскорбить вас в обществе герцога Страттона.

Пандоре пришлось признать, что он, скорее всего, прав. Он мужчина, с которым нельзя не считаться, как в плане социальном, так и в политическом, и вряд ли кто-то отважится открыто нанести ему оскорбление.

– А как же ваши родственники? Стоит ли подвергать угрозе их положение в обществе из-за того, что с вашей стороны является всего лишь причудой или развлечением?

Руперт одарил Пандору жалостливым взглядом.

– Общественное мнение интересуется моих тетю и дядю не больше, чем меня.

– Даже если это так...

– Давайте прекратим этот глупый спор, Пандора! – потерял терпение Руперт. – Нынче вечером мы оба идем в оперу в компании графа и графини Хейборо, и точка.

В фиалковых глазах снова сверкнули слезы.

– По какой причине вы желаете подвергнуть меня такому испытанию? Может, я или мой муж, сами того не подозревая, чем-то обидели вас в прошлом? И теперь вы жаждете отмщения?

– Не будьте смешной.

– Смешна не я, Руперт... – Она оборвала себя на полуслове, сообразив, что в пылу спора все-таки сошла до фамильярного обращения к графу, очень смутилась и бесстрастно продолжила: – Простите, но о посещении оперы с вами нынче вечером не может быть и речи. Вчера я пошла на бал к Софии только из желания сделать ей приятное, ведь она была так добра ко мне последний месяц и оказывала безграничную поддержку. Но, поверьте, к вам я подобных чувств не питаю.

Руперт почувствовал, как к нему возвращается восхищение этой гордой и уравновешенной молодой женщиной. Не исключено, он сильно заблуждается на ее счет, но это такое при-

ятное заблуждение! К тому же ее постоянная забота об окружающих, о двух своих подругах, а теперь о Руперте и его тете и дяде никак не вязалась с репутацией беспринципной неверной женушки, которая довела мужа до могилы.

– Разве не я спас вас от Сугдона вчера вечером?

– Ну да... – В ее голосе появилась неуверенность.

– Он воспользовался моим советом и, скажем так, предпочел удалиться в места с более прохладным климатом?

Она улыбнулась, услышав слово «совет».

– Да.

– В таком случае вы определенно обязаны мне.

– Но...

– Я заеду за вами в своей карете в семь тридцать вечера, – отрезал Руперт, положив конец пререканиям.

Пандора лишь покачала головой:

– Похоже, вы самый упрямый джентльмен, каких мне приходилось встречать.

– Говорят, это моя характерная черта, – с улыбкой заверил он ее.

Пандора с любопытством посмотрела на него. Руперт Стерлинг действительно был надменным, властным, саркастичным и даже безжалостным, к тому же ужасно упрямым, в чем она его и обвинила. Однако ему присущи честь, даже в отношении леди с подмоченной репутацией, искрометное чувство юмора, самоирония и физическая привлекательность, которая притягивала взгляды.

Руперт кардинально отличался от ее импозантного мужа и внешним видом, и характером. Барнаби был на три-четыре года старше Руперта, но из-за хрупкой комплекции и мальчишеского выражения лица выглядел намного моложе. Да, Руперт, безусловно, умел настоять на своем, но при этом Пандора чувствовала себя рядом с ним защищенной, будто ничто плохое не могло случиться с ней в его присутствии. С Барнаби все было иначе.

Вред ей мог нанести только сам Руперт, конечно...

Она была далеко не глупа, чтобы поверить в то, что он предлагает ей общественную поддержку от доброты душевной!

– И все-таки мне хотелось бы знать, что вы надеетесь выиграть от такой... публичной связи со мной?

– С чего вы решили, что я ищу выгоду?

Ее глаза сверкнули глубоким фиолетом.

– Пусть я на несколько лет моложе вас, ваша светлость, и в обществе на меня смотрят как на парию, но я настоятельно советую вам не заблуждаться на мой счет и не думать, что недостаток возраста или социального статуса делают из меня дурочку.

– Я так не думал.

Она покачала головой.

– До вчерашнего вечера мы даже не были представлены друг другу, да и познакомились при весьма удручающих обстоятельствах. Следовательно, существует причина, по которой вы проявили такое великодушие и уговорили ваших родственников пригласить меня в оперу. Может, я должна сыграть роль дымовой завесы, отвлечь внимание общества от чего-то еще... например, от других отношений, которые уже существуют в вашей жизни?

Руперт давно понял, что эта женщина обладает не только красотой. Она не уступает ему в упрямстве, и ее умственные способности потрясают воображение. Теперь же ему открылась еще одна грань ее личности – пронизательность, которая могла поставить любого другого мужчину в неудобное положение! Руперт сильно сомневался в том, что подслушанная беседа могла открыть Пандоре все перипетии его запутанных отношений с женщиной, которая ныне является вдовой его отца.

Он улыбнулся, но улыбка вышла тяжелой и безрадостной.

– Вы, дорогая Пандора, должны быть готовы, соответственно одеты для посещения оперы и ждать меня здесь ровно в семь тридцать вечера.

Этот ответ не имел ни малейшего отношения к ее вопросу. Похоже, он даже не собирался отвечать на него. Беззастенчиво вторгся в чужую личную жизнь, при этом тщательно охраняя от чужих глаз свою!

И все же Пандора не сомневалась в том, что приглашение в оперу имеет прямое отношение к его мачехе и его появление на публике с печально известной герцогиней Виндвуд отвлечет внимание от скандальной связи.

И хотя инстинкт подсказывал ей отказаться от приглашения, чувство справедливости диктовало обратное. Можно сколько угодно закрывать глаза на этот факт, но Руперт действительно выручил ее вчера из очень неприятной передрыги, и она действительно обязана ему.

Она вздохнула и заставила себя расправить плечи.

– Очень хорошо, ваша светлость, я принимаю приглашение графини Хейборо.

– А нельзя было сказать об этом пять минут назад? – фыркнул Руперт.

– Но при одном условии, – решительно продолжила Пандора, – второго такого приглашения от вас я не приму.

Она, не дрогнув, встретила его взгляд.

Поскольку, строго говоря, приглашение исходит не лично от него, а от его добросердечной тети Сесилии, которая сама предложила это, как только он поведал ей о вчерашнем происшествии, Руперт согласился принять условия Пандоры.

Кроме того, ему и одного в десять лет посещения оперы хватит за глаза!

Глава 5

– Я от всей души надеюсь, что вы изображаете интерес. Вам же не может нравиться подобный бред?

Пандора даже плечиком не повела, притворяясь, что она не услышала Руперта, который склонился к самому ее уху. Она продолжала неотрывно смотреть на сцену, где главный герой уже довольно долго – и очень громко – оплакивал потерянную любовь.

Как он и обещал, его карета прибыла к ее дому ровно в семь тридцать вечера, в ней находился невероятно красивый господин в белоснежной рубашке и черном вечернем наряде, в широком плаще, брошенном на плечи, с модной прической. В руках он держал черный цилиндр.

В светлых волосах Пандоры красовалось украшение из голубых перьев, голубое шелковое платье с короткими рукавами открывало плечи, высокая талия подчеркивала пышную грудь, бледно-голубые кружевные перчатки выше локтя обтягивали руки.

Она холодно отреагировала на его комплименты в свой адрес и сохраняла эту холодность всю дорогу до оперы и немного оттаяла, лишь когда графиня Хейборо тепло ее встретила и сердечно поприветствовала, а граф Хейборо поцеловал ей руку. Однако благодушное настроение улетучилось, стоило Руперту взять ее под локоть и повести в театр. Он надменно кивал и раскланивался со знакомыми, некоторым из них не удалось скрыть удивление, когда стало ясно, что за женщина держит герцога под руку. Правда, как он и обещал, ни одна дама и ни один господин не решились на открытые оскорбления в ее адрес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.